

Введение

Идею этой книги мне подсказал много лет назад (в конце 80-х гг. XX века) замечательный украинский историк Федор Шевченко. Узнав, что студентка Ленинградского государственного университета занимается Руиной, Федор Павлович посоветовал в таком случае начинать свое исследование с 1654 г. Признаюсь, тогда глубина этой мысли осталась мне непонятной.

После десятилетий изучения различных периодов истории Украинского гетманства мы считаем необходимым вернуться к истокам, к самому началу инкорпорации ¹ Украины в состав Московского государства. Посмотреть, какие договоренности были достигнуты, как они трактовались сторонами и какие конкретные шаги по их воплощению в жизнь предпринимались в течение первых четырех лет после Переяславской рады. Такое исследование, на наш взгляд, позволит лучше понять причины конфликтов, ссор и споров, вылившихся в прямое

¹ Именно термин «инкорпорация» считает наиболее удачным московский историк Б. Флоря: *Флоря Б. Н.* Переяславская рада 1654 г. и ее место в истории Украины // *Белоруссия и Украина. Ежегодник 2004. М., 2005. С. 7.*

военное противостояние и отсоединение Украины уже в 1658 г.

Понимание и признание факта, что объединялись два субъекта, сильно рознвившихся ментально, по своей социальной сущности и политическому устройству, в последнее время наметилось даже в российской исторической науке. Борис Флоря в своей недавней монографии пишет: «На Украине мы наблюдаем в эти годы возникновение ряда тяжелых, конфликтных ситуаций между русской верховной властью и Войском Запорожским, которые даже в конце концов привели к войне между ними. Возникновение разного рода противоречий и сложностей было неизбежно при контакте между двумя столь разными обществами с разной социальной структурой и разными историческими традициями»¹. Кирилл Кочегаров и Евгений Рычаловский подчеркивают: «Нельзя, однако, не отметить и того, что, несмотря на общую историю, веру, этническую и языковую близость, с 1654 г. под скипетром русского самодержца происходило сближение двух обществ, заметно отличавшихся друг от друга социальной организацией, политическими институтами, культурными традициями, мировоззрением»².

Тем не менее, мы хотим определить глубину этих различий и их многосторонность, посмотреть на цели сторон, на то, как они осуществлялись или, наоборот, терпели крах. Мы намеренно не затрагиваем аспекты внешней политики Украинского гетманства, касательно которой в последние годы было написано ряд серьезных исследований. Нас интересует социально-экономическое состояние, в котором Украинское гетманство подошло к инкорпорации, а также вопросы административного и налогового управления после 1654 г. В этом смысле проблема введения воеводского правления в Украине представляется нам ключевой. Наконец, мы полагаем важным обратиться к русско-украинским противоречиям, возникшим из-за различного представления о подчинении белорусских земель, отвоеванных у Речи Посполитой в ходе русско-польской войны.

¹ Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661). М., 2010.

² Кочегаров К. А., Рычаловский Е. Е. Россия и Украина в 1654–1657 гг. // Переписка гетманов Левобережной Украины с Москвой и Санкт-Петербургом. Т. 1. М., 2017. С. 42.

Несмотря на то, что мы использовали документы из архивов Польши и Украины, это наше исследование было бы невозможным, если бы в последние годы мы не осуществляли проект издания описей фондов Российского государственного архива древних актов (Москва), содержащих уникальные материалы по истории Украинского гетманства. Именно эта работа позволила нам выявить и перепроверить источники по 1654–1658 гг. Многие из них вводятся впервые или впервые цитируются в оригинале, поэтому мы сохранили язык оригинала. Выражаю глубокую благодарность сотрудникам архива, оказавшим мне бесценную помощь, прежде всего Юрию Моисеевичу Эскину, Сергею Сергеевичу Ермолаеву, Андрею Алексеевичу Булычеву и многим-многим другим.

Хотелось бы также вспомнить и поблагодарить замечательных историков, которые в разные годы помогали мне советами и участием. Историков, которых, к сожалению, уже нет с нами: Юрия Давидовича Марголиса, Руслана Григорьевича Скрынникова, Федора Павловича Шевченко, Омеляна Прицака, Ореста Субтельного.

Ну и, конечно же, благодарю свою семью за терпение и поддержку.

Глава

1

В

заимное

непонимание

В данной главе мы затронем ряд вопросов, которые, как нам представляется, имели прямое влияние на проблемы, возникшие при присоединении Украины к Московскому государству. В чем-то мы будем базироваться на исследованиях наших коллег, кое-что уточним и дополним, где-то постараемся сформулировать новые концептуальные выводы. Но в целом понимание основополагающих явлений, на фоне которых осуществлялась инкорпорация Украины в структуру Московского государства, на наш взгляд, является залогом объективной оценки событий и возможностью вскрыть внутренние механизмы и логику, которые ими двигали.

Кто и за что боролся в Украине

Начнем с, казалось бы, простых вопросов: кто и за что боролся в Украине в 1648–1653 гг.? Что не устраивало в Речи Посполитой лидеров украинского восстания и его рядовых участников? Понимание этих вопросов позволит лучше разобраться в сущности возникавших в последующем конфликтов с Московским государством.

Необходимо помнить, что украинские земли входили в

состав Великого княжества Литовского в середине XIV в. Поскольку структуры ВКЛ сохранялись и после создания Речи Посполитой, то Украина к моменту восстания 1648 г. находилась в составе княжества уже почти триста лет. Разумеется, менталитет ВКЛ доминировал среди населения Украины. К тому же почти 80 лет она входила в состав Речи Посполитой. Это означает, что было несколько поколений, родившихся и выросших в шляхетской республике. Богдан Хмельницкий и все другие руководители восстания родились и выросли в Речи Посполитой, равно как и их отцы. Они присягали польским королям и служили им верой и правдой (отец Б. Хмельницкого погиб за Речь Посполитую в битве с турками под Цецорой).

Хотя украинское казачество, безусловно, считало Речь Посполитую своей «отчиной», но уже на рубеже XVI–XVII вв. возникает серьезный конфликт, который приводит к серии казацких восстаний. Очень четко причины восстания сформулировал современник событий, автор летописи Самовидца: «Початок и причина войны Хмельницкого ест едино от ляхов на православіе гоненіе и козаком отягощеніе»¹. К этому можно добавить массовое недовольство крестьян, собственнно и поставлявших легионеров в вольное казачество.

Другими словами, причина восстаний заключалась в нарушении Речью Посполитой сложившихся реалий Великого княжества Литовского. Реалий, заключенных в юридических документах.

Прежде всего речь идет о религиозной толерантности, которой так славилось ВКЛ. При своем создании в 1569 г. Речь Посполитая тоже декларировала религиозную толерантность. Она была закреплена и в п. 2 Генриховых артикулов, на которых присягали все короли Речи Посполитой, начиная с 1574 года². Однако Брестская уния 1596 г. и последовавший за ней запрет на греческую (православную) религию разрушили существовавший компромисс. После длительной многолетней борьбы Владислав IV утвердил в 1632 г. «Статьи для успокоения народа руського», восстановившие де-юре православие в Речи Посполитой. Но толерантности уже не было.

¹ Літопис Самовидця. К., 1971. С. 45.

² «in causa religionis majā w pokoju bydź zachowany, która My im obiecujemy trzymać w cale, czasy wiecznemi».

Второе глобальное изменение произошло с положением крестьян. Согласно измененным Литовским статутам (1566 и 1588 гг.) бегство в города теперь не избавляло крестьянина от личной зависимости (города обязывались выдавать таких беглецов). К тому же пан получил единоличное право судить крестьянина и даже казнить. А право обращаться в суд было для крестьян отменено. Эти изменения привели к массовому бегству крестьян в вольные края и их показачиванию. Кроме того, крестьяне стали активными союзниками и участниками казацких восстаний.

Нарушение религиозной толерантности и социального положения крестьянства стало серьезной основой недовольства. Крестьяне бежали, шляхта протестовала, духовенство вело богословскую полемику. Но реальные изменения начали происходить только тогда, когда к протестным выступлениям подключилось казачество.

Рост недовольства совпадал с формированием новой политической элиты периода раннего Нового времени – реестрового казачества.

Признание королем и Речью Посполитой особого юридического статуса ¹ реестровых превращало казачество из отщепенцев-бунтарей в официальную элиту, которая постепенно все четче осознавала свое влияние, власть, возможности, требовала все больших прав, включая участие в политической жизни страны, и одновременно настаивала на расширении своих рядов.

За считанные десятилетия казацкие полки превратились в важную часть военной машины Речи Посполитой, и без их участия не обходился ни один ее военный поход. Сражения в Ливонии, русская Смута, события в Молдавии – во всех этих эпизодах реестровые казаки сказали свое веское слово.

Особенное значение казаки сыграли в противостоянии турецкой агрессии. Между тем, угроза со стороны Османской Порты имела общеевропейский масштаб. В начале XVII в. турецкие корабли заходили даже в Темзу. Поэтому за-

¹ Уже грамоты Сигизмунда II (1572) высвобождали реестровых из-под судебной юрисдикции панов и давали налоговые привилегии как минимум старшине (включая беспрошленное шинкование меда, пива и горилки). Акты ЮЗР. Т. II. СПб., 1865. № 149. С. 175–176. Грамота Стефана Батория (1682) освобождала реестровых казаков от налогов («*zadnych podatkow*») и любого судебного преследования, кроме суда казацкого гетмана («*starszego ich*»). Жерела до історії України-Руси. Т. VIII. Львів, 1908. С. 6.

слуги гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного и его реестровых казаков, захвативших Кафу, а затем спасших Речь Посполитую и короля под Хотинном, вели к пониманию казачьей элитой своей силы и значимости. Сагайдачный мог спокойно выставить регулярную армию в количестве 40 тыс. человек. Не случайно именно в этот период казаки начинают вмешиваться во внутренние дела Речи Посполитой, а зачастую – прямо диктовать свою волю. Именно так обстояло дело с восстановлением православной митрополии и в конечном счете ее юридическим признанием.

Мы подходим к вопросу о том, кто участвовал в восстании Б. Хмельницкого. И надо понимать, что лидеры этого восстания должны были иметь определенное образование, обладать знаниями и опытом, чтобы успешно вести дипломатические переговоры, создавать собственную государственность, включая административную, налоговую и судебную системы.

Серьезная опасность подстерегает историков при попытке свести верхушку Б. Хмельницкого к казачеству (а тем более к «запорожскому казачеству») ¹. На самом деле это был тесный сплав среднепоместной православной шляхты и казачьей старшины. Разумеется, встречались люди без образования, представители богатых мещанских семей (Золотаренки, Сомки), даже татары (Филон Джалалий). Но это являлось скорее исключением, чем правилом. А вот шляхетско-казачий союз был очень тесным и значимым ².

«Старшие» реестровых казаков Ян Бадовский, Иван Оришевский, практически все руководители ранних казачьих восстаний, начиная от Кшиштофа Косинского и Северина Наливайко, происходили из православной шляхты. Богдан Хмельницкий и его ровесники, равно как и все другие казачьи старшины, включая поколение времен Ивана Мазепы, родились и выросли в Речи Посполитой. Их предки столетиями жили в Великом княжестве Литовском, польскому королю служили их отцы, и именно эти традиции политической жизни стояли у них перед глазами. Мы имеем в виду прежде всего традицию активного участия в жизни

¹ Кочегаров К. А. Взаимоотношения России и запорожского казачества с середины XVI в. до 1654 г. // Переписка гетманов Левобережной Украины с Москвой и Санкт-Петербургом. 1654–1764 гг. Т. I: Гетманство Богдана Хмельницкого. 1654–1657 гг. М., 2017. С. 5–41.

² Об этом подробно писал еще В. Липинский.

страны. По условиям Литовских статуты 1529 и 1566 гг. вся шляхта могла участвовать в сеймиках и в выборах шляхетских судов. Это давало огромный опыт и практику причастности к государственному управлению. К тому же вся шляхта была юридически равна и с 1673 г., независимо от вероисповедания, потенциально могла принимать участие в избрании короля, которым теоретически мог стать любой шляхтич. Это создавало особый менталитет свободного и уважающего себя человека. Для шляхтича и казака, родившихся в ВКЛ, казалось дикостью именовать себя «холопом» в обращении к царю (что делали все бояре и князья в Московском государстве). В длинной череде украинских гетманов только Иван Брюховецкий, выходец из слуг, использовал такое обращение. Как заявил Януш Радзивилл русскому послу, «я никогда не был холопом и не хочу им быть теперь»¹.

До определенного момента именно такие панибратские отношения доминировали на территориях ВКЛ между шляхтой и магнатами (примером служат отношения Михаила Хмельницкого, отца Богдана, с православным магнатом Яном Даниловичем).

Существовавшие в ВКЛ традиции участия шляхты в политической жизни плавно перетекают в аналогичные стремления казачества. В 1625 г. после ряда восстаний реестровое казачество впервые получает статус городского с отдельными административными полномочиями на подвластной ему территории. Начинают формироваться весьма конкретные понятия, заключавшиеся в «казацких вольностях»: право управлять своей территорией и жить по своим законам. Следует отметить, что еще Николай Костомаров переводил польское слово «wolność» как «права», а не как «свободу»². Именно такая трактовка «вольности» встречается и у Мелетия Смотрицкого: «представ с нашей просьбой на нынешнем сейме, мы покорно и униженно просим исходить из общих законов: жальтесь, не давайте ломать наших законных свобод и привилегий...»³ Стремление участвовать в управлении своей страной – это то, что отличало украинское реестровое казачество от донского.

¹ Kotłjarczuk A. In the Shadows of Poland and Russia. P. 200.

² Костомаров Н. Богдан Хмельницкий. Т. 2. СПб., 1884. С.170.

³ Уния в документах / сост. В. А. Теплова и З. И. Зуева. Мн., 1997. С. 178.

Мария Лескинен считает, что для «украинского сармата» на первом месте в иерархии добродетели стоит не вольность, а верность. Она, в частности, ссылается на знаменитый «Вирш» Касьяна Саковича о П. Сагайдачном¹. Нам представляется, что такая трактовка не вполне верная. Ведь перед нами барочное произведение, истинный смысл которого заключался не в восхвалении умершего гетмана, а в указании на несправедливое отношение Речи Посполитой к заслугам казачества. В этом смысле понятие «верность» лишь служит доказательством необходимости сохранять и расширять «вольности» казачества.

Один из путей получения права участия в политической жизни приводит к тому, что старшины стремятся распространить на реестровых казаков права шляхты. Это тем более интересно, что большинство из старшин и так являлись шляхтой, а следовательно – имели право пользоваться демократическими свободами и политическими правами привилегированной части Речи Посполитой. Видимо, в этот период происходит перелом, когда для самосознания казацкой элиты звание «казак» становится как минимум не менее значимым, чем звание шляхтича. Как позже писал познанский воевода Ян Лещинский, казаки «не добиваются шляхетства и не ценят его»².

Мы отмечали выше, что украинская элита унаследовала менталитет ВКЛ и Речи Посполитой. Мы согласны с М. Лескинен, которая пишет, что «украинский сармат-рыцарь – это и казак, и шляхтич». По ее мнению, «главной отличительной добродетелью его является борьба за независимость Отчизны и родную веру»³. Она также отмечала, что приближение понятий шляхтича и казака объяснялось реалиями жизни в Речи Посполитой, где и те, и другие вместе принимали участие в обороне польских восточных рубежей⁴.

9 июня 1632 г. казаки подают на конвокационный сейм письмо, в котором, ссылаясь на «службы свои рыцерские», предлагают в качестве кандидата в короли королевича Владислава и просят, чтобы их считали равными членами Речи Посполитой и «не обделяли в избрании короля». Есть там и

¹ Лескинен М. В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002. С. 143.

² Kubala L. Szkice historyczne. Ser. VI. 1922. Dodatek № XIX. S. 545–546.

³ Лескинен М. В. Мифы и образы сарматизма. С. 142.

⁴ Там же. С. 143.

примечательное пожелание: «чтобы мы были наделены вольностями, людям рыцарским надлежащими»¹. По крайней мере двое из подписавшихся принадлежали к шляхетскому сословию². В инструкции казацким послам от 6 сентября 1632 г. повторялись те же просьбы со ссылкой на «верные, отважные и кровавые заслуги наши»³. Апеллировал к рыцарственному характеру службы казаков и Б. Хмельницкий, который заявил польскому послу Якову Смяровскому в ноябре 1648 г.: «Как предки мои самоотверженно и с пролитием крови служили королям польским, так и я, не изменяя им, с подчиненным мне рыцарством, хочу верно служить его величеству королю, моему милостивому государю, и Речи Посполитой...»⁴

Полное осознание политической элитой Украины того, что она может и должна осуществлять свои вольности в смысле права управлять собственной страной, пришло в годы восстания Б. Хмельницкого и было вызвано небывалым размахом восстания и невероятными победами над поляками. Осознание это появилось прежде всего у самого гетмана и его ближайшего окружения, а затем – у более широкого круга старшины, которая уже с 1649 г. вовлекалась в административное и судебное управление Украинским гетманством. Отметим, что примерно половина полковников времен Б. Хмельницкого были из шляхты. Часто имела шляхетское происхождение старшина других рангов⁵.

Люди, которые теперь на равных (или почти на равных) переписывались с иностранными государями, обменивались с ними иностранными посольствами, уже практически не могли вернуться к прошлому положению. Хотя высшим влиянием и властью пользовался только очень узкий слой старшины, дела с местным управлением обстояли иначе. Если учесть, что по реестру 1649 г. имелось шестнадцать полков, в среднем по 15 сотен, соответственно 240 сотников, а также

¹ Голубев С. Киевский митрополит Петр Могила и его современники. Т. II. К., 1883. Приложение № LXXIV. С. 403–407.

² Там же. С. 405.

³ Архив ЮЗР. Ч. III. Т. I. К., 1863. № XCIII. С. 339.

⁴ Краустаф А. Посольство Якова Смяровского к Богдану Хмельницкому во время осады Замостья в 1648 г. // Киевская старина. 1894. Т. 47. № 12. С. 454.

⁵ Блестящее исследование на эту тему сделал еще В. Липинский. *Lipiński W. Stanisław Michał Krzyczewski, z dziejów walki szlachty ukraińskiej // Z dziejów Ukrainy. Kraków, 1912.*

писари, бунчужные, обозные, судьи и т. д., набирается несколько тысяч старшины, которая за следующие несколько лет уже почувствовала вкус долгожданной «воли».

Это была новая политическая элита, которая, не найдя компромисса с польской шляхтой, не желавшей допускать ее к политической жизни, теперь с оружием в руках, ценой сложных внешнеполитических комбинаций и противостояния мощной машине Речи Посполитой завоевала право управлять своей страной.

Отчизна

Начиная разговор о таком сложном и противоречивом вопросе, как представление об «отчизне» среди политической элиты украинского общества до 1654 г., следует сказать несколько слов о проблемах источниковой базы. Собственно, у нас имеется (особенно в отношении казацкой старшины) очень фрагментарный материал, т. к. гетманский архив эпохи Б. Хмельницкого не сохранился, равно как и большая часть переписки казацкой старшины. Ошибочной является тенденция российских историков использовать без оговорок русские документы, содержащие в большинстве случаев переводы или российскую интерпретацию терминов, употребляемых украинской стороной.

Статейные списки и отписки – это вообще специфичный источник. Как отмечал еще Геннадий Карпов, они писались не главами посольств, а безымянными подьячими по возвращении в Москву, составлялись по памяти через некоторое время после переговоров и, разумеется, не могут претендовать на точный пересказ речей и даже событий. К тому же подьячие стремились понравиться царю и могли соответственно редактировать текст¹. Еще хуже обстоит дело с так называемыми переводами с белорусского письма, о чем мы скажем ниже.

Не меньше проблем и подводных камней таят в себе барочные тексты украинских богословов. Пропитанные духом украинского барокко, они содержат такое количество метафор и аллегорий, а также настолько подчинены канонам барочной формы, что современному исследователю (если он

¹ Карпов Г. Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся. М., 1870. С. 166–168.

только не эксперт барочной литературы) зачастую сложно оценить содержание таких текстов. Многие историки «ведутся» на внешние формы, придавая им смысл, совершенно отличный от замысла автора. Особенно следует отметить, что в России со времен Владимира Перетца украинское литературное барокко не было предметом специальных исследований, и такая школа прервалась. Видимо, поэтому даже замечательный московский историк Борис Флоря всерьез пишет, что нежинский протопоп Максим Филимонович восторженно приветствовал присоединение Украины¹. Он не делает оглядок на барочный характер речи протопопа, а также не упоминает, что месяцем раньше он агитировал Могилев против подданства царю². Не претендуя на глубокие знания особенностей барочной литературы, мы будем опираться на современные исследования украинской и итальянской научных школ³.

Начать следует с того, что для казачества, казацкой старшины и украинской шляхты вплоть до 50-х гг. XVII в. «отечеством» была, безусловно, Речь Посполитая. То же самое можно сказать и об украинском духовенстве. Сагайдачный прославляется за то, что «готов ойчизнѣ служити за вольность єи»⁴.

Само понятие «отчизна» было заимствовано в Украине от польского «ojczyzna». Это понятие получило широкое распространение в Речи Посполитой в начале XVII в. от античного «*patría*» под влиянием гуманистической школы. Отчизна подразумевала необходимость любить ее, защищать ее свободу, заботиться о ее благе и не жалеть собственной жизни для ее защиты. Это была барочная идея, подхваченная как шляхтой, так и казачеством.

В Украине этот термин активно использовался как в текстах старшины, так и в богословских произведениях. Лари-

¹ Флоря Б. Н. Воссоединение Украины с Россией в оценке современников // Славянский альманах 2004. М., 2005. С. 8.

² Еще В. Эйнгорн отмечал, что «приветственные речи, которые говорились священниками разных малороссийских городов при встречах Бутурлину, не могут служить указанием на те или другие отношения ораторов к Москве», т. к. ничто не мешало им «на следующий же день оказать свое нерадение великому государю». Эйнгорн В. Сношения малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. С. 57–58.

³ Это, прежде всего, Н. Яковенко (Украина) и ее ученики, в частности Д. Броджи (Италия) и др.

⁴ Довга Л. Поняття «отчизна» в українських проповідях другої половини XVII ст. // Пилип Орлик: життя, політика, тексти: мат. Міжнар. наук. конф. до 300-річчя Бендерської конституції 1710 р. К.: НАУКМА, 2011. С. 109.

са Довга анализировала издания Киево-Печерской лавры 1616–1650 гг. и пришла к выводу, что в них несомненна территориальная привязка отчизны к Речи Посполитой. Наоборот, исторические территории предков («Киевская земля», «земля наша Российская») никогда «отчизной» в текстах не именуется. Можно согласиться, что «отчизна» для украинской элиты была в некотором роде понятием, механически перенесенным из античных текстов, однако присутствие патриотизма «нельзя оспаривать»¹.

Как убедительно показал Франк Сысин, обращение «отчизна» в контексте не Речи Посполитой, а собственно Украины появляется после восстания Б. Хмельницкого, не ранее 1652 года². Даже в 1654 г. в переписке Б. Хмельницкого с Я. Радзивиллом используется словосочетание «отчина наша», речь идет «о успокоении любимой твое отчины нашей, и о преварении крови разлития, и о разорении краев и народов древле живущих» (в польском оригинале, разумеется, «Ojczyzna»)³.

Адам Кисель говорил: «сарматы Rossi и сарматы Polonos – общей отчизны нашей». М. Смотрицкий в 1623 г. в «Юстификации невинности» отмечал: «с вольными народами Польским и Литовским народ Руський (“Ruski”) объединился в единое тело».

В литературе часто ссылаются на украинскую полемическую литературу как на доказательство существования представления об этническом единстве с Москвой. Л. Довга убедительно показала, что даже на протяжении 50-х гг. в произведениях украинского духовенства (Иннокентия Гизеля, Иоанникия Галятовского, Лазаря Барановича и др.) нет ни единого случая использования понятия «отчизна» применительно к Московскому государству (для которого используется термин «держава» или «царство»). Не называют они отчизной и Гетманщину. Отчизной по-прежнему именуют Речь Посполитую⁴. Это совершенно объяснимо с исторической точки зрения. Украинское духовенство не принимает

¹ Там само. С. 111–112.

² *Syryn E. Frank. Fatherland in Early Eighteenth-Century Ukrainian Political Culture* // Mazepa and his time. History, culture, society. Alessandria, 2004. P. 39–53.

³ РГАДА. Ф. 214: Сибирский приказ. Оп. 3. № 1636. Л. 177, 179.

⁴ Довга Л. Поняття «отчизна» в українських проповідях другої половини XVII ст. С. 114.

присоединение Украины к России и категорически отказывается признать Московского патриарха. Гетманщина, принявшая царя, остается враждебной силой к руководству Киевской митрополии вплоть до 1658 г., когда новый Киевский митрополит поддерживает Ивана Выговского в заключении Гадячского договора и возвращении в состав Речи Посполитой.

Отдельные обращения украинского духовенства периода Руины, на наш взгляд, были связаны не с концептуальными изменениями и не с появлением новой, единой с Московским государством, идентичности, а, скорее всего, с сиюминутными политическими или материальными выгодами¹.

После юридического раздела Украины 1667 г., когда надежд на возвращение в лоно Речи Посполитой больше не было, киевскому духовенству пришлось искать пути сотрудничества с Московским государством. Отсюда появление барочных схем, которые могли понравиться царю.

В 50-е гг. XVII в. духовенство и политическая элита Украинского гетманства сильно расходятся в своих взглядах. В годы Руины в среде старшины и авторов исторического нарратива формируется новое понятие «отчизны» применительно к Украинскому гетманству. На наш взгляд, то, что переосмысление термина «отчизна» происходит только в конце 50-х гг., объясняется военным временем, не оставлявшим возможности для формулирования новых идей. Наоборот, в ходе Руины назревает потребность переосмыслить события и найти собственную идентичность.

В 60-е гг. с разделением Украинского гетманства термин «Малая Россия» не только лишается церковного смысла (т. е. относящегося к Киевской митрополии), но и начинает означать исключительно Левобережную Украину, входящую в состав Московского государства. Появляется необходимость термина, который подчеркивал бы единство двух территорий, несмотря на разделяющую их границу. Таким термином для элиты становится «Украина»². Свое окончательное осмысление этот термин получил в 1728 г. в пьесе неизвест-

¹ Поэтому, на наш взгляд, некорректно говорить о работах 60-х гг., таких как «Пересторога» и др., в контексте нового этнического самосознания, как, например, это делает Д. Степанов (*Степанов Д. Ю. Этноконфессиональное самосознание православного населения Речи Посполитой и Гетманщины в середине – второй половине XVII в.: автореф. ... канд. ист. наук. М., 2016.*

² У Л. Барановича в «Лютне Аполлоновой»: «Украина в крови, невзгоде». У Величко «Украина», «казацтво украинское».

ного автора «Милость Божия», в которой главным действующим лицом выступает Украина.

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что патриотическая доктрина «отчизны», перенятая украинской элитой (как политической, так и духовной) от античных и польских образцов, формировала необходимость ее любить, защищать и заботиться о ней. Такой «отчизной» для украинских казаков, шляхты и духовенства десятилетиями оставалась Речь Посполитая. В этой идеологической конструкции отчизна была несравненно выше короля. Большинство старшин было воспитано на антично-барочной системе «семи искусств», в которой риторика занимала важное место. Но формирование понятия новой отчизны – Украинского гетманства – только начиналось у старшины, а у духовенства еще не началось.

Кого и почему присоединяло Московское государство

Разбираясь в вопросе, почему Московское государство присоединило Украину, мы сразу должны отбросить миф о «братских народах», не имевший ничего общего с менталитетом человека XVII в., который не предусматривал этнического, а тем более национального самосознания¹. Менталитет скорее был этноконфессиональным. Но, умышленно не желая вдаваться в дискуссию о самосознании и идентичности человека эпохи раннего Нового времени, мы хотели бы задать вопросы: кого присоединяло Московское государство? Как царское правительство относилось к украинским казакам, которые собственно и вели с ними переговоры, и к населению Украинского гетманства?

Разумеется, у нас, как и в случае с представлением об отечестве у казацкой старшины, имеются только косвенные источники. Тем не менее, логично предположить, что отношение к казакам как среди царского окружения, так и среди пограничных воевод было далеко не самое позитивное. Сам термин «черкасы», который с XVI в. и вплоть до середины XVIII в.

¹ В этом смысле представляется опрометчивым заявление И. Андреева, что «выбор, сделанный на Переяславской раде в 1654 г., носил характер национального». Андреев И. Алексей Михайлович. М., 2003. С. 220. Для данного утверждения нужно как минимум для начала отстоять право на такой термин применительно к середине XVII в.

использовался в официальной русской документации применительно и к казакам, и ко всему населению Украины, не предусматривал наличие какого-либо этнического родства.

Начнем с того, что прошло всего три десятилетия с окончания Смуты, потрясшей до основания Московское государство и, безусловно, оставившей в умах боярства катастрофические воспоминания о поляках и активно помогавших им запорожских казаках. По приблизительным подсчетам, в русской Смуте на различных этапах участвовало от 20 до 60 тысяч казаков с Украины. Другим не менее ярким, грозным и отрицательным воспоминанием был поход П. Сагайдачного с его реестровыми казаками, взявшими в 1618 г. под его командованием Елец, Калугу и осадившими Москву. Последовавшее после этого посольство от Сагайдачного к царю не могло сгладить впечатление.

Не меньше, хотя и в другом масштабе доставляли неприятностей пограничным воеводам «воровские черкасы». Отписки воевод Белгорода, Путивля, Валуйки в 30–40-е гг. XVII в. пестрят сообщениями о появлении «воровских черкас», приходивших с территории Украины¹. В некоторых случаях «черкасы» нападали на татар, но часто не брезговали и пограничными поселениями. Как справедливо пишет Виктор Брехуненко, колонизация Дикого Поля украинскими казаками во второй четверти XVII в. столкнулась с «московскою державною колонізацією», и «конфлікти з московитами стали буденним явищем для козаків»².

Наконец, следует сказать несколько слов относительно православного единства. После Смуты на фоне юридической ликвидации православия в Речи Посполитой Украина воспринималась в Москве как часть иноверного мира³. В конце 20-х гг. XVII в. первый Романов, Михаил Федорович, и его отец, патриарх Филарет, ввели сначала запрет на ввоз украинских книг и торговлю ими на территории Московского государства, а затем их тотальную конфискацию в приграничных с Речью Посполитой уездах⁴. К тому же изданные на

¹ Донские дела. Кн. II. СПб., 1906. С. 440–444; *Багалій Д. И.* Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний. Х., 1890; РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ: Белгородский стол и др.

² *Брехуненко В.* Східна брама Європи. К., 2014. С. 49.

³ *Живов В.* Из церковной истории времен Петра Великого. М., 2004. С. 23.

⁴ Подробнее об этом см.: *Бульчев А. А.* История одной политической кампании XVII века. М., 2004.

«простой мове», а не на церковнославянском языке книги в Москве воспринимались как «еретическое заблуждение»¹. Вышедший в Москве в 1639 г. Требник повторял указ Филарета, направленный против украинского православия². Эти действия имели больше политический, чем богословский характер. Но выходцев из ВКЛ заставляли перекрещиваться и истинными православными их признавать не желали³. Киевского митрополита Петра Могилу в Москве считали чуть ли не католиком. Не вписывалась в рамки московского православия и украинская традиция православных братств, активно влиявших на политическую и религиозную жизнь (вплоть до избрания митрополита и архимандрита), а также занимавшихся культурой и образованием.

Еще один важный аспект – социальный. Как мы увидим ниже, восстание Б. Хмельницкого привело к глобальным изменениям в положении крестьянства Украины. Оно не только вернулось ко временам ВКЛ, но достигло даже более высокого уровня личной свободы с полной ликвидацией крепостного права. В те же годы (в 1649 г.) в Московском государстве было принято Соборное уложение, установившее бессрочный сыск беглых крестьян и их полную личную зависимость (без «урочных лет»). Как мы понимаем, само понятие выдачи беглых не только было чуждо казакам, но и противоречило всей их идеологии. А Алексей Михайлович, наоборот, не мог представить существование вольных людей (он так и написал в 1654 г.: «волных кроме беглых холопей не живет»⁴). Разумеется, двум таким полярным обществам было сложно найти общий язык. Если еще во внутренние дела Украины царское правительство некоторое время не вмешивалось, то в Белоруссии принципиальные противоречия по отношению к крестьянству очень быстро дали о себе знать.

Совершенно логично, что на протяжении ряда лет в Москве очень осторожно (если не сказать подозрительно) относились ко всем просьбам и обращениям Б. Хмельницкого. Как

¹ Андреев И. Алексей Михайлович. С. 207.

² Плохий С. Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. К., 2005. С. 384.

³ Опарина Т. А. «Исправление веры греков» в русской церкви первой половины XVII в. // Россия и Христианский Восток. Вып. II–III. М., 2004. С. 288–325.

⁴ Опубликовано у М. Грушевского: Зап. іст.-філ. від. Укр. АН. Кн. XXIV. К., 1929. С. 105.

пишет Кирилл Кочегаров, «недоверие московского правительства было в этой ситуации вполне естественным»¹. Пограничные воеводы составляют нелицеприятные донесения и видят в восстании обычный казацкий бунт², сочувствия к которому московские власти не могли испытывать априори.

Что же изменилось? Почему все-таки было принято решение присоединить Украину? В историографии широко распространенным является заблуждение, что царское правительство или окружение царя было каким-то монолитным, неизменным. Самым ярким исследованием, развенчивающим такие представления, является, на наш взгляд, работа Павла Седова³, хотя она и относится к более позднему периоду истории Московского государства, т. е. к царствованию Федора Алексеевича. Тем не менее, книга заставила нас задуматься о существовании различных групп в царском окружении, зачастую представлявших противоположные интересы и добивавшихся разных целей. И в этом случае хотелось бы понять, какая сила в окружении юного Алексея Михайловича подтолкнула его к принятию решения о присоединении Украины.

Мы придерживаемся мнения, что такой силой был новозыбранный патриарх Никон⁴. Сергей Лобачев в своей замечательной работе о Никоне доказал, что решение о выдвижении Никона в патриархи Алексей Михайлович принял под влиянием Иерусалимского патриарха Паисия, находившегося в Москве в 1649 г. (того самого, который, по мнению большинства историков, внушил Б. Хмельницкому идеи государственности). С. Лобачев использовал материалы фонда «Греческие дела» Российского государственного архива древних актов и убедительно показал, что Паисий поддержал не только Никона, но и весь кружок «ревнителей благо-

¹ Кочегаров К. А. Взаимоотношения России и запорожского казачества с середины XVI в. до 1654 г. С. 41.

² Как пишет В. Брехуненко: «Упродовж 1648 р. Москва дивилася на українські події як на звичайне козацьке повстання. Можливість дезінтеграції Речі Посполитої навіть не припускалася». Брехуненко В. Східна брама Європи. С. 137.

³ Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2006.

⁴ Подробнее см.: The Role of the Religious Factor and Patriarch Nikon on the Unification of Ukraine and Moscow // Acta Poloniae Historica. 2014. Vol. 110. P. 5–22. Н. Костомаров ошибочно полагал, что патриарх был противником присоединения. Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий // Актуальная история России. М., 1994. С. 655.

честия», внушив царю идею освобождения Гроба Господня и предсказав, что тот станет «новым императором Константином». Первым шагом на этом грандиозном пути должно было стать освобождение православного населения Речи Посполитой ¹.

Начинается принципиальное изменение в отношении к украинскому православию. Уже в мае 1649 г. Алексей Михайлович впервые в истории просит Киевского митрополита Сильвестра Косова прислать в Москву ученых монахов ². Ими были Феодосий Василевич, Арсений Сатановский и Епифаний Славинецкий ³. Намечаются церковные реформы, решающую роль в которых играет украинская ученость. А в июле 1652 г. Никон становится патриархом и сразу активно начинает воплощать в жизнь задуманный грандиозный проект. В апреле 1653 г. он лично встречается с казацкой делегацией, присланной Б. Хмельницким, и благословляет ее ⁴. В следующем месяце пишет гетману, уверяя, что будет «ходатайствовать» перед царем «о добром хотении» ⁵. К Никону напрямую обращается Б. Хмельницкий в критический момент августа 1653 г., прося военной помощи и обещая принять «крепкую руку» царя ⁶. В июне 1653 г. польские послы сообщали королю, что новый патриарх уговаривает царя разорвать вечный мир ⁷. В официальных русских документах везде подчеркивалось, что Алексей Михайлович решил принять Украину «под высокую руку», «советовав с отцем своим и богомолцем святейшим Никоном патриархом» ⁸. Патриарх лично присутствовал на Земском соборе, принявшем в октябре 1653 г. историческое решение о присоединении Украины к Московскому государству ⁹.

¹ Лобачев С. В. Патриарх Никон. СПб., 2003. С. 83–85.

² Харламович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. I. Казань, 1914. С. 120–121.

³ Именно Епифаний Славинецкий основал в 1653 г. в Москве первую греко-латинскую школу.

⁴ ВУСР. Т. III. С. 267.

⁵ Там же. С. 286–287.

⁶ Там же. С. 364, 367.

⁷ Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х – 80-х гг. XVII в.: Документы, исследования / изд. Л. В. Заборовский. Ч. 1: Источники времени гетманства Б. М. Хмельницкого. М., 1998. С. 126.

⁸ Там же. С. 170.

⁹ ВУСР. Т. III. С. 406.

Однако далеко не все влиятельные лица из окружения Алексея Михайловича поддерживали идею принятия казаков, а еще меньше – начало войны с Речью Посполитой. Яркое свидетельство тому приводит С. Лобачев. Это – донесение шведского резидента Иоганна де Родеса от августа 1653 г.: «Как мне по секрету сообщили, некоторые знатные господа очень противятся этому предприятию, и отсоветывают е. ц. в., и представляют ему, что легко зажечь пожар, но нельзя так же скоро его потушить; их патриарх считает за трусов и изменников русской вере; в конце концов е. ц. в., кажется, держит патриарху древяно, а он сам навязывает на него знамя»¹. Как писал Сергей Соловьев, людям из окружения царя «не нравилось предприятие, заставившее расстаться с покойною московскою жизнью, им страшен был поход к литовской границе, ибо давно уже эти походы не оканчивались счастливо»².

Таким образом, в окружении Алексея Михайловича существовали серьезные сомнения в целесообразности присоединения Украины. Они были вызваны не только опасениями войны с Речью Посполитой, но и отрицательным отношением к украинскому православию, к «черкасам». Однако все социальные противоречия были отброшены благодаря железной воле Никона и тому влиянию, которое он в первые годы имел на Алексея Михайловича.

Царь и патриарх начинали религиозную войну. Именно этот термин использовали современники³. В речи, произнесенной по приказу царя во время смотра войск на Девичьем поле, между прочим говорилось: «воинствующие за святую, соборную и апостольскую церковь и за православную веру против своего достояния и от нашего царского величества милость получают и небесного царствия сподобятся, как и первые победоносцы, за православие пострадавшие»⁴.

¹ Лобачев С. В. Патриарх Никон. С. 137. С. Лобачев использовал оригиналы донесений Родеса, хранящиеся в Государственном архиве Швеции.

² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 10. М., 1990. С. 602.

³ Лобачев С. В. Патриарх Никон. С. 137. Иоганн де Родес: Хмельницкий «уже давно просил о защите е. ц. в., единственно чтобы получить свободу совести и исповедания русской религии, которую он иначе оставит, если е. ц. в. его не примет, и будет искать защиты турецкого императора; в этом, по мнению патриарха, имеется достаточно причин, чтобы начать религиозную войну».

⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 10. С. 597.

Религиозный ореол и спешка в принятии столь важного решения объясняют тот факт, что на первом этапе условия и механизмы фактического присоединения даже не обсуждались. Можно сказать, что решение присоединить Украину принималось на встречах патриарха с царем, а не в Посольском приказе. Поэтому административные рутинные вопросы были отброшены на второй/третий план на фоне задач освобождения православных ВКЛ. Их начали обсуждать/решать постфактум, что, разумеется, породило много проблем. Для сравнения, совершенно по-иному готовился договор о присоединении к Московскому государству Молдавии¹, которое, впрочем, так и не состоялось.

Границы

По нашему мнению, у царского окружения не было точного представления, ни что именно присоединяется, ни в каких границах.

В документах Земского собора сказано о «принятии под высокую руку» «Войска Запорожского з городами их и з землями»² – термине настолько расплывчатом, что даже современные историки ошибочно полагают, что речь шла о Запорожье или исключительно о казаках. При этом титул царя практически сразу после Переяславской рады изменился на «Всея Великия и Малыя Росии»³. Тут следует напомнить, что еще С. Соловьев отмечал: по официальному заявлению русских послов, сделанному на переговорах с поляками в 1634 г., в старый царский титул «всея Руси» не включалась «Малая Русь»⁴. Поэтому теперь замена была необходима.

Немного проще дело обстояло не с термином, а с конкретной границей. Речь шла в январе 1654 г. о Зборовском договоре с Речью Посполитой (т. е. о той границе, которая была установлена между РП и Украинским гетманством в

¹ *Ченцова В. Г.* Подлинник «письма молдавских послов» 1656 г. и его создатели // Человек в пространстве и времени культуры. Барнаул; Рубцовск, 2008. С. 398–412.

² ВУсР. Т. III. № 197. С. 413.

³ Например, царская грамота от 7 февраля 1654 г. с. с. – ВУсР. Т. III. № 234. С. 545.

⁴ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 5. С. 167, 176. Об этом также: *Плюхий С.* Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. С. 362.

1649 г.). Что касается украинской стороны, то у нее в отношении границ имелись программа-минимум и программа-максимум. Программа-минимум заключалась в Зборовских границах, детально прописанных в одноименном договоре с Речью Посполитой 1649 г. Впоследствии (в 1684 г.) казацкая старшина вспоминала: «Когда сия Малая Росия с Войском Запорожским, с посполитым народом принята учинилась в милостивую милостивого пресветлого монарха оного оборону», тогда она включала воеводства «Киевское, Брянское и Черниговское», «в тех трех воеводствах и Украина вся, и Войско Запорожское заключаетца»¹. Программа-максимум предусматривала Вольнь, Подолию, ряд областей Белоруссии, Посожье и т. д. – вплоть «до Холма и Галича», по выражению Б. Хмельницкого². Нежинский протопоп М. Филимонович в 1654 г. писал о Малой России, включая «Львовскую землю, Подольскую, Покутцкую, Подгородскую, Полескую, Белорускую»³.

Понять представления царского окружения частично помогают изменения, внесенные в царский титул. Считается, что титул «Малой Руси» придумали с украинской подачи⁴. Именно так впервые именовал царя Б. Хмельницкий в письме от 8 января 1654 г. с. с.⁵ В Москве это предложение приняли и уже с февраля стали официально использовать. Это не удивительно, ведь, как мы уже говорили, в Москве находились ученые киевские старцы, на советы которых опирался Никон. Но, как отмечает Сергей Плохий, «Москва, принимая основные параметры и язык этого инициированного украинцами дискурса»⁶, добавила к нему свои собственные понятия.

Видимо, это было вызвано как раз наличием разных групп в окружении царя. И некоторые из них не хотели принимать украинскую трактовку термина «Малой России» как

¹ РГАДА. Ф. 229: Малороссийский приказ. Оп. 1. № 90. Л. 19, 21.

² Про границы: *Гуржий О.* Українська козацька держава в другій половині XVII–XVIII ст.: кордони, населення, право. К., 1996; *Крип'якевич І.* Студії над державою Богдана Хмельницького // ЗНТШ. Т. 151. Львів, 1931; *Таирова-Яковлева Т. Г.* Представлення о границах Українського гетьманства у казацької старшини середини XVII века // *Canadian-American Slavic Studies*. 2015. Vol. 49. № 2–3. С. 294–304.

³ Акты ЮЗР. Т. XIV. № 7. С. 176.

⁴ *Плохий С.* Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. С. 412.

⁵ ВУсР. Т. III. № 225. С. 516.

⁶ *Плохий С.* Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. С. 412.

церковного понятия, включающего Киевскую митрополию. И в титуле появляется неожиданное дополнение: князь черниговский и киевский.

С. Плохий, который наиболее полно рассмотрел данный вопрос, пишет, что для московской стороны Украина/Малая Русь состояла «из двух давних княжеств со столицами в Киеве и Чернигове»¹. Это полностью совпадает со свидетельством шведского резидента Иоганна де Родеса, который спросил в Москве, что означает новый титул «Малой России». Ему ответили, что «подразумеваются киевские и черниговские области»². В июле 1654 г. в грамоте городу Киеву говорилось: «учинились под нашею государскою высокою рукою великие княжества Киевское и Черниговское, и гетман Богдан Хмельницкой, и все Войско Запорожское, и вся Малая Русь»³.

Такая редакция титула, отмечает С. Плохий, подчеркивала «историческую (династическую и церковно-религиозную) связь московских царей со святым Владимиром, на которую напирали русские интеллектуалы задолго до Переяславля, теперь она превратилась в юридическое обоснование претензий на царскую вотчину». С другой стороны, идея этнического единства «двух Русей», которая занимала важное место в малороссийской идеологии киевского духовенства 20-х гг. XVII в., так и не была принята в Московском государстве⁴. При этом отсылки ко временам Киевского и Черниговского княжеств не становились попыткой получить или выделить их в отдельное правление – исключив из других земель Украинского гетманства. Например, когда в начале 60-х гг. ученый хорват Юрий Крижанич предложил Алексею Михайловичу взять Киев и Чернигов под свое прямое управление⁵, это не встретило поддержки царя, а сам Крижанич был сослан в Тобольск⁶.

Таким образом, доминировавшая благодаря Никону религиозная идея соседствовала с идеей династической, которую представляли другие силы в окружении царя. Интересно,

¹ *Плохий С.* Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. С. 346.

² *Лобачев С. В.* Патриарх Никон. С. 141.

³ Акты ЮЗР. Т. X. № 13. С. 651.

⁴ *Плохий С.* Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. С. 413.

⁵ Киев и Чернигов «имают быти просто под Царским Приказом и Воеводами; бо то сут Царски и Кнззовски титулы».

⁶ *Крижанич Ю.* Малорусские казаки между Россией и Польшей в 1659 году по взгляду на них серба Юрия Крижанича // ЧОИДР. 1876. Кн. III. Ч. V. С. 117–120.

что ни официальные бумаги этого периода, ни новый царский титул не упоминали о Северщине, входившей в состав Московского государства с 1503 г., после войны с Великим княжеством Литовским. Почеп, Трубчевск, Стародуб, Чернигов, Новгород-Северский (всего 20 городов) вернулись в состав ВКЛ (точнее, теперь уже в состав Речи Посполитой) только по Поляновскому договору 1634 г. Правда, этот период в истории Северщины не был особо радужным. Вошла она в состав Московского государства в результате тяжелых военных действий. В 1515, 1534 и 1535 гг. литовские (а значит, и украино-белорусские) войска предпринимали военные походы, чтобы вернуть эти территории. Косвенным свидетельством недовольства населения Северщины служит тот факт, что именно выходец из Черниговщины Иван Болотников стал руководителем крестьянско-казацкого восстания 1606–1607 гг., в котором приняли активное участие жители Северщины («севрюки») и запорожцы. Московское правление даже не внесло существенные изменения в земельные порядки, сложившиеся в ВКЛ. В XVII в., уже после вхождения Северщины в Речь Посполитую, там сохранялась традиционная для ВКЛ сябринская (совместная) форма землевладения.

По каким-то причинам в 1654 г. этот столетний эпизод в истории Северщины в Москве вспоминать не хотели. Только в 1659 г., когда Украину во второй раз присоединяли к Московскому государству, а среди окружения царя в силе были «ястребы», Алексей Никитич Трубецкой заявил гетману Б. Хмельницкому: «быть в Новгородке Северском, в Чернигове, в Стародубе, в Почепе своим ц. в. воеводам и уезды ведать по-прежнему к тем городам; а те города настари належат к Московскому государству, а не к Малой Росии». Несмотря на то, что казаки сделали в 1659 г. много принципиальных уступок Москве, против этого они категорически возражали. Гетман заявил, что этим «будет домовное и всякое разоренье, и права де и вольности их тем будут нарушены... и в Войске де Запорожском междоусобию успокоения не чаять». Интересно, что в 1659 г. русские воеводы готовы были за Войском Запорожским, т. е. за Украинским гетманством, признать только те земли, на которых казачество было еще «за польскими короли». Получается, результаты восстания

Б. Хмельницкого они в расчет принимать не желали¹. Это была ультраправая позиция, которая не смогла победить ни в Украине, ни в окружении царя².

ОТНОШЕНИЕ К ПОДДАНСТВУ

«принятие под высокую руку» царя, а то, как это воспринимали стороны.

Присоединение новых территорий – Украины – не было для России событием исключительным. Поэтому стоит посмотреть, как юридически осуществлялось присоединение других народов и территорий. Вопрос о серьезных различиях в отношении к «подданству» двух сторон (царя и присоединяющихся народов) подробно рассмотрел в ряде работ, в частности в своей последней монографии, Вадим Трепавлов.

Он пишет, что одни владения входили в состав Московского государства реально, другие – номинально. При этом ученый отмечает, что степень реальности/номинальности зачастую понималась по-разному в столичных инстанциях и на «национальных окраинах». Историк выделяет объективные параметры принадлежности региона государству:

- 1) «включенность территории (народа) в высшую государственную символику – большой царский титул или большой государственный герб;
- 2) налогообложение в пользу единого государства;
- 3) распространение на данный регион действия общероссийского законодательства и подведомственность внутригосударственным инстанциям;
- 4) принадлежность региона к одному из административных подразделений государства».

В. Трепавлов считает, что «вести речь о вхождении территории в состав государства можно лишь с тех пор, как она

¹ «Новгородок Северской приписан к Нежинскому полку ныне, как Войско Запорожское отлучилось от польских королей, а как были за польскими короли, и в то время Новгородок Северской ничем к Войску Запорожскому прилучен не был, а был за сенатори; а которые буде козаки тут и живут, и то новописные, а не изстари тут живали».

² Акты ЮЗР. Т. 4. С. 261.

характеризуется хотя бы тремя из перечисленных четырех критериев»¹.

Исходя из этих положений, посмотрим на ситуацию с Украиной.

1. Как мы уже говорили, Малая Россия вошла в титул царя сразу с 1654 г. Тогда же была изготовлена и новая большая государственная печать.

2. Налогообложение в пользу царя предусматривалось статьями 1654 г., о чем мы будем подробно говорить в следующей главе. Однако на самом деле это не исполнялось, и даже в XVIII в. генеральная старшина в своем ответе на пункты Малороссийской коллегии (1722) заявила, что «за гетманства Богдана Хмельницкого жадных зборов в казну государеву не збирано»².

3. Что касается судебной системы и законодательства, то в Жалованной грамоте Алексея Михайловича 1654 г. говорилось: «и судитись им велели от своих старших по своим прежним правам»³. Попыток распространить общероссийское законодательство на Украинское гетманство не предпринималось вплоть до 1781 г. (если не учитывать планы ввести общеимперские законы в конце правления Петра I).

4. С вопросом об административном подчинении Украинского гетманства все значительно сложнее. Такое положение вещей отражало отсутствие единой концепции у московских властей касательно управления Украиной. Никакого отношения к Разряду, управлявшему внутренними делами Российского государства, Украинское гетманство не имело. Только в 1722 г. Петр I предпринял попытку создать Малороссийскую коллегию. Однако все эти попытки вплоть до окончательной ликвидации гетманского правления носили временный характер, вызывали множественные протесты, и лишь в 1781 г. на территорию бывшего Украинского гетманства была распространена система администрации Российской империи.

Таким образом, можно заключить, что только один пункт из названных В. Трепавловым имел место в отношении

¹ Трепавлов В. В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. С. 134.

² Барвинский В. Д. Заметки по истории финансового управления в Гетманщине. Х., 1914. С. 8.

³ ВУсР. Т. III. № 248. С. 568.

Украины. Следовательно, реально территория Левобережной Украины вошла в состав Российского государства лишь в конце XVIII в., после ликвидации гетманского правления и административно-судебных структур Украинского гетманства. До этого Украина подчинялась центральной власти только номинально, имела широчайшую автономию, собственные административную и судебную системы, собственное законодательство и даже таможенную и таможенные сборы. Правобережная Украина окончательно волилась в состав Российского государства еще позже – примерно в 30-е гг. XIX в., когда на территориях бывшей Речи Посполитой было упразднено использование Литовского статута и распространена губернская администрация.

Как мы увидим ниже, еще при жизни Б. Хмельницкого российские власти предпринимали попытки ускорить процесс реального вхождения украинских земель в структуру Московского государства, но каждый раз, наталкиваясь на яростное сопротивление местной элиты и широких масс казачества и мещанства, отказывались от этих попыток.

Как же смотрела украинская казацкая элита на свое подданство? С точки зрения Московского государства подданный – это подчиненный власти царя. В семантике самого слова «подданный», о чем пишет В. Трепавлов¹, заключен конкретный смысл – плательщик дани, а, как мы видели, «дани», т. е. налогов, Украина как раз и не платила. Если при оформлении подданства народов, присоединяемых к России, когда шла речь об иноверцах, использовалась шерть, то в случае присоединения христианских народов она заменялась крестным целованием. В. Трепавлов пишет: «Официально шертные соглашения оставались двусторонними договорами, но на самом деле являлись декларацией обязанностей младшего участника договора по отношению к старшему»². И далее, что еще более важно: «Если воеводы видели в них (шертях) знак безусловного и исключительно подчинения Москве, то “иноверцы” – неприятный, но необходимый акт, сопутствующий договору с русскими о военном союзе, взаимном ненападении и покровительстве»³.

¹ Трепавлов В. В. «Белый царь». С. 135.

² Там же. С. 137.

³ Там же. С. 139–140.

Можно возразить, что православные украинцы смотрели на подданство по-другому, чем нехристианские народы. Но ведь именно стремление получить возможность управления своей страной было движущей силой лидеров казацких востаний. Поэтому сохранение автономии – как можно более полной – являлось для них ключевым вопросом.

Трактовка «статей» с московским царем именно как договоров со стороны казацкой элиты была совершенно естественна. И Б. Хмельницкий, и его преемники опирались на традицию договоров с Речью Посполитой.

Некоторые современные российские историки не считают «договорные статьи» собственно договором¹. Честно говоря, совершенно неясно, почему если шертные грамоты, по мнению историков, являлись двусторонним договором, то таковыми не были «договорные статьи»? Следует отметить, что в соглашениях с гетманами воеводы использовали именно термин «договор»². То, что гетман и старшина в конечном счете (после долгих пререканий) согласились на одностороннюю присягу, не говорит о том, что их взгляды на «статьи» изменились. Просто военная обстановка требовала срочного союза с царем.

Неверно полагать, что в Украинском гетманстве политическая элита смотрела на «статьи» не как на договор, ни к чему не обязывающий царя. Хотя по форме это действительно были ответы на просьбы, но на деле статьи носили характер двустороннего договора, достигнутого в результате дискуссии. Миргородский полковник Григорий Лесницкий в 1658 г. прямо говорил: «и против прежнего договору царское величество к нам не устоял»³. В некоторых случаях старшина пыталась изменить положения договоров задним числом (в декабре 1659 г.). Во время Батуриной рады 1663 г. статьи, наоборот, составлялись в процессе бурных дебатов⁴. Не меньше споров с воеводами было и в 1669 г. на Глуховской раде.

Ярким доказательством того, что старшина считала «статьи» договором, служит «Прошение малороссийского шляхет-

¹ *Кочегаров К.* (в соавторстве). Обсуждение монографии Т. Г. Таировой-Яковлевой «Иван Мазепа и Российская империя. История “предательства”» // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2011. № 2. С. 117.

² РГАДА. Ф. 210. Оп. 17: Безгласный стол. № 86. Л. 57–58; Акты ЮЗР. Т. IV. № 58. С. 99 и др.

³ Акты ЮЗР. Т. IV. № 29. С. 38–39.

⁴ *Таирова-Яковлева Т. Г.* Батуриные статьи 1663 года // Батуриньска старовина: зб. наук. праць, присвяч. 300-літтю Батуриньської трагедії. К., 2008. С. 73–81.

ства и старшин вместе с гетманом о восстановлении разных старинных прав Малороссии», составленное старшинской радой в Глухове осенью 1763 г. Добиваясь расширения автономии, старшина ссылалась на «Статьи Богдана Хмельницкого» и заявляла про события присоединения Украины к России в 1654 г.: «Сие добровольное подданство учинил он на договорах... Оные договоры от времени до времени при постановлениях каждого гетмана поновляемы и подтверждаемы были»¹.

Подводя итог, необходимо отметить, что в своем отношении к подданству украинская политическая элита опиралась на давнюю традицию борьбы за «вольности» и пыталась добиться от царя конкретных, устраивавших ее «статей», по аналогии со «статьями», утверждавшимися польскими королями (например, «Статьи или пункты для успокоения руського народа» 1632 г.), которые считались договором, внесенным в конституцию сейма. Именно как договор или соглашение расценивает Мартовские статьи 1654 г. Б. Флоря, который по этому поводу пишет: «следует признать, что большее значение имеет не форма, а содержание документов»².

Точно так же неверно считать, что статьи с точки зрения старшины не оставляли возможности для «легального выхода». Политическая элита Украинского гетманства всерьез считала, что невыполнение договора со стороны суверена (короля, царя) освобождало ее от присяги. Такая трактовка шла от Генриховых артикулов – основного документа Речи Посполитой, на котором присягали все короли: «В случае же, если мы (от чего Боже сохрани!) не выполним этих статей или условий или учиним что-либо вопреки им, законам и вольностям, то всех жителей королевства и великого княжества объявляем свободными от должного нам повиновения и верности»³.

В знаменитом универсале И. Выговского к европейским государствам (1658) были такие примечательные слова: «Ни из-за каких-либо других мотивов мы приняли протекцию

¹ Прошение малороссийского шляхетства и старшин вместе с гетманом о восстановлении разных старинных прав Малороссии, поданное Екатерине II в 1764 году // Киевская старина. 1883. № 6.

² Флоря Б. Н. Переяславская рада 1654 г. и ее место в истории Украины // Белоруссия и Россия. История и культура. Ежегодник 2004. М., 2005. С. 10.

³ Следует сказать, что в ВКЛ к присяге относились двойственно. Например, К. Поклонский, изменив царю, писал: «Меня изменником не зовите, что есмь до своего первого и прямого пана возвратился, как есть шляхтич и любитель вольностей». Акты ЮЗР. Т. XIV. № 17. С. 546.

великого князя московского, но только для того, чтобы сохранить и приумножить для себя и нашего потомства свободу нашу, добытую с Божьей помощью оружием и много раз ценой крови возвращенную». Но раз Москва «их обманула», хотела Украину «придавить и покорить», то они освободились от присяги и заключили Гадячский договор с Речью Посполитой¹.

В этом заключалась принципиальная разница в традициях. В Речи Посполитой король был равен своим подданным, так как ими избирался, а по отношению к самодержцу российскому все были холопами. Такое отличие в традициях ярко проявилось в цитируемом многими историками эпизоде, когда в соборной церкви Переяславля в январе 1654 г. перед принесением присяги Б. Хмельницкий и старшина потребовали от Василия Васильевича Бутурлина, чтобы тот тоже присягнул от имени царя. Бутурлин наотрез отказался, заявив, что такого «николи не бывало и впредь не будет», а «всякой подданной повинен веру дати своему государю». И полковники, и казаки настаивали, что «полские короли подданным своим чинят присягу», но в конечном счете были вынуждены уступить².

Однако, как ни парадоксально, царь сам создал прецедент, подведя юридическую базу под «освобождение от присяги» польскому королю Б. Хмельницким, казаками и всем населением Украины.

В решении Земского собора 1653 г. с целью оправдать Б. Хмельницкого и всех жителей Украины польского короля Яна Казимира обвинили в нарушении присяги (они приносили ее еще в 1648 г.). Там говорилось, что Ян Казимир, вступая на престол, присягал защищать христианскую веру. «А будет он тое своей присяги не здержит, и он подданных своих от всякия верности и послушанья чинит свободными»³. Т. е. факт нарушения договоренности со стороны суверена Москва признавала основанием для освобождения подданных от крестного целования. Это обоснование готовил знакомый нам киевский старец Феодосий Василевич. Вдогонку к уже отправленному к Б. Хмельницкому с объявлением о «принятии Украины» В. В. Бутурлину его усилиями была

¹ Архив ЮЗР. Ч. III. Т. VI. К., 1875. № СХХVII. С. 363.

² Акты ЮЗР. Т. X. № 4. С. 225–227.

³ ВУсР. Т. III. № 197. С. 414.

послана копия королевской присяги «латынским писмом» и перевод «рускою речью»¹.

После этого прецедента украинская элита считала себя свободной от присяги в любом случае «нарушения статей»². Исполнение или нарушение договорных статей царем рассматривалось ею как безусловный повод для освобождения от присяги – так же, как и в случае с польским королем. Например, таким нарушением гетманы считали возможную уступку полякам украинских территорий. Когда в 1656 г. прошел ложный слух, что русские отдали Речи Посполитой Украину по условиям Виленского договора, Б. Хмельницкий заявил казакам: «треба отступити от руки царского величества, а поїдемо там, где вышний Владыко повелит быть, – не токмо под христианином государем, хотя под бусурманом»³. В 1677 г. на фоне слухов об отдаче Киева полякам гетман Демьян Многогрешный заявил, что в этом случае «они, гетман с Войском Запорожским, сыщут себе иного государя»⁴.

Таким образом, можно сказать, что казацкая старшина, принимая подданство русскому царю, рассматривала его с точки зрения менталитета Речи Посполитой и Великого княжества Литовского. Следует учитывать, что гетман Б. Хмельницкий к 1654 г. уже сам осознавал себя сувереном. Об этом свидетельствует принятие им с 1650 г. формы универсалов, повторявших юридическое клише королевских привилеев, а также практика утверждения высших духовных православных иерархов⁵.

ВЗАИМОНЕПОНИМАНИЕ

В заключение сделаем несколько общих замечаний об уровне взаимонепонимания в прямом и переносном смысле этого слова. Речь пойдет о языке или неточностях перевода; о различиях в восприятии

¹ Акты ЮЗР. Т. X. № 4. С. 152–153.

² Совершенно согласна с В. Брехуненко, который пишет: «У европейській історії підлегли правителі часто міняли свого патрона – тому й Б. Хмельницький після Переяслава 1654 р. не вважав свої руки зв'язаними». *Брехуненко В.* Східна брама Європи. С. 145.

³ Акты ЮЗР. Т. III. № 369. С. 556.

⁴ РГАДА. Ф. 229: Малороссийский приказ. Оп. 1. № 91. Л. 98–108а.

⁵ Например, в июне 1655 г. Б. Хмельницкий утверждает своим универсалом Теодосия Софоновича, архимандрита Михайловского Златоверхого монастыря. Документы Богдана Хмельницкого. 1648–1657 гг. / сост. И. Крипякевич. К., 1961. С. 431–432.

терминов; о разнице обычаев и традиций; о непонимании реаллий. Мы не собираемся детально анализировать эти факторы, однако считаем необходимым обратить на них внимание.

1. Начнем с различия в языке и опасности неверных переводов.

Вопрос, о котором не особо задумывались историки и на который не дают прямого ответа источники: на каком языке велись переговоры? На русском, старославянском, польском? Нет ни одного свидетельства, что на переговорах использовали переводчиков. При этом в состав русских делегаций входили толмачи – к сожалению, без уточнения, с какого языка.

Что касается старшин, то никто из них русский язык не изучал, равно как не знал украинского и боярин В. В. Бутурлин. Вполне допустимо, что на бытовом уровне стороны хорошо понимали друг друга. Этому способствовало знание церковнославянского и некоторыми русскими боярами – польского. Но когда дело доходило до юридических терминов или экономических понятий, могли возникать серьезные разночтения. Основания так полагать дает факт, что все послания из Украины переводились¹. Гетман и старшина писали «простой мовой», т. е. на староукраинском, который к тому времени уже приобрел черты литературного языка (благодаря издававшимся на нем книгам). В России его называли «белорусским» или «литовским». Причем не известно, имелось ли в 1654 г. в Москве четкое понимание о различии между старославянским («русьским») языком, который был официальным юридическим языком ВКЛ, и «простой мовой». Например, шляхтичу ВКЛ Константину Поклонскому Посольский приказ предлагал в 1654 г., чтобы он писал отписки «к нам белоруским или польским писмом, *будет у него руским писмом писать некому*»² (здесь и далее курсив наш. – Т. Т.). Следует отметить, что гетманы даже в начале XVIII в. писали в Москву по-украински, и, соответственно, их письма переводили. И наоборот, в Петровскую эпоху чиновники просили: «Потребно быть переводчику языка малороссийского...»³

¹ Например, сохранилась помета, что, получив грамоту полковника И. Золотаренко, «*государь сего перевода слушал* и указал и бояре приговорили отписать к Золотаренку...». Акты ЮЗР. Т. XIV. № 35. С. 787–788.

² Акты ЮЗР. Т. XIV. № 8. С. 220.

³ *Гликов И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Т. 3. М., 1837. С. 296–297.

В результате мы имеем случаи неверных или неточных переводов, сделанных с «белорусского письма», т. е. с украинских текстов, в Посольском приказе (позднее – в Малороссийском). Обычно издатели документов печатали только один текст – оригинал либо перевод. Но наша работа с изданием описей Российского государственного архива древних актов (Москва) позволила выявить несколько писем, сохранившихся и в оригинале, на украинском языке, и в переводе на русский. Непонимание, неточный перевод, а иногда и просто грубое искажение содержания документов дают основание предположить, что в ряде случаев русские и украинцы просто говорили на разных языках, в прямом смысле этого слова. Ярким примером служит эпизод, когда неверный перевод украинского термина «пановання» привел к серьезному русско-украинскому конфликту в 1656 г. (об этом речь пойдет ниже).

Непонимание русской стороной украинского языка отмечает ряд историков Московского государства XVII в. Например, Игорь Андреев пишет, что в Украине использовалась «проста мова», «тогда как в Московской Руси единственным литературным языком оставался церковнославянский. Для русских людей многие книги “литовской печати” становились литературой на другом языке»¹.

Мы не знаем, на каком языке объяснялись стороны в Переяславле и были ли у воевод переводчики – статейный список В. В. Бутурлина не позволяет ответить на этот вопрос. Но то, что стороны или не понимали, или не хотели понимать друг друга, – факт неоспоримый.

2. Вопрос о разных языках общения, порождавших взаимонепонимание, тесно связан с непониманием терминов. Или точнее – с их различным толкованием.

Да, термины, которыми оперировали стороны, были во многих случаях противоположными. Еще Омелян Прицак обращал внимание на то, что воеводы в польско-литовской традиции являлись высшими земскими представителями шляхты, решавшими все проблемы в сенате. И вот вопрос: казацкая старшина, соглашаясь в 1654 г. на присутствие русских воевод в Киеве и Чернигове, что имела под этим в виду? Весьма сомнительно, что у нее было ясное понимание

¹ Андреев И. Алексей Михайлович. С. 207.

полномочий русских воевод. Ну а русские воеводы даже примерно не представляли те реалии, которые несколько столетий бытовали в украинских городах в рамках Речи Посполитой и Великого княжества Литовского.

Другой пример: сохранился царский указ от марта 1655 г. (!) о назначении «на своей государевой службе в Запорогах» на место Шереметева В. В. Бутурлина¹. Его посылали не в *Запорожье*, а в *Войско Запорожское*, т. е. в Украинское гетманство.

3. Различие в понимании терминов объяснялось сложившимися традициями. Определенной части украинского общества наличие таких различий было очевидно. Например, нежинский протопоп М. Филимонович, ходатайствуя за своего протезе, чтобы тот стал протопопом в Десятинной церкви Киева, пишет: «понеже он извычай и московския, и чины тутошние знает гораздо, к тому ж с нашими умеет поступать и с рускими людьми»².

Различия в традициях наблюдались и на бытовом уровне, и на более высоком – риторическом. Например, шляхта ВКЛ просила царя, «чтоб для уничижения хохлов и платья обыкновенного полского, чтоб не возбраняли». Алексей Михайлович обещал: «Быть так»³. Но впоследствии чауский полковник Иван Нечай жаловался царю, что по приказу воеводы Василия Борисовича Шереметева казакам «чюприны» режут⁴.

Разные традиции приводили к различному пониманию даже основных договорных статей. Как писал историк Виктор Барвинский, на Мартовские статьи 1654 г. «в противоположных целях ссылалось московское и местное правительство: первое – для подтверждения своих централистических стремлений, второе – для охраны своих привилегий»⁵.

Так же дело обстояло с термином о принятии Украины «под высокую руку». О. Прицак высказывал смелое предположение, что казацкая старшина расценивала этот термин как церковную метафору греческого происхождения, где царь – духовный покровитель, протектор православного

¹ Акты Моск. гос. Т. II. № 644. С. 402.

² Акты ЮЗР. Т. IV. № 22. С. 30.

³ Акты ЮЗР. Т. XIV. № 8. С. 292.

⁴ Акты ЮЗР. Т. IV. № 13. С. 16–18; Акты ЮЗР. Т. VII. № 62. С. 179–180.

⁵ *Барвинский В. А.* Заметки по истории финансового управления в Гетманщине. С. 6.

мира. Учитывая прекрасное образование в области богословия, которое получили в стенах Киево-Могилянской академии те же Павел Тетеря и Иван Выговский или выпускник иезуитского коллегия Б. Хмельницкий, такую трактовку нельзя исключать. Поэтому украинская сторона под «высокой рукой» подразумевала протекторат, а русская – подданство¹. Ярko иллюстрирует эту догадку статейный список Артамона Матвеева, где записано следующее свидетельство: «И священники нам говорили: как де Богдан Хмельницкий великому государю е. ц. в. бил челом в вечное холопство...»² Священники явно использовали другой термин, а подьячий записал в статейный список про «вечное холопство»...

То же самое относится и к знаменитым речам, произнесенным В. В. Бутурлиным в Переяславле в январе 1654 г. Он зачитывал украинский барочный текст, составленный для него украинскими советниками Никона – чтобы понравиться украинской стороне и говорить на понятном ей языке барочной метафоры (орел, покрывающий свое гнездо и птенцов, апелляция к культуре Покрова Богородицы и т. д.). Но, как пишет С. Плохий, декларативное единство сторон на основе религиозной традиции подрывалось «разным восприятием характера этого единства»³.

4. То, насколько русские власти были далеки от понимания реалий Украинского гетманства образца 1654 г., не может не поражать. Ведь все-таки они собрались принять его в свое подданство...

По прошествии трех с половиной лет (!) со времен Переяславской рады думные дьяки расспрашивали в Посольском приказе посланников гетмана И. Выговского: «Наперед сего гетманы в Запорожье ли живали или в городех, и отколе гетманов выбирали, и гетман Богдан Хмельницкой отколе выбран?»⁴ В 1658 г. воеводам в Украине приказывалось «проведать тайным обычаем», собираются ли там пошлины «и на кого збирают: на гетмана ль, или на полковника, или на

¹ *Приказ О.* Формула «високої руки» як вияв української ментальності середини XVII ст. // Из досліджень про державу Богдана Хмельницького. 1648–1657 рр. Х., 2003. С. 118.

² РГАДА. Ф. 214: Сибирский приказ. Оп. 3. № 1471. Л. 79.

³ *Плохий С.* Наливайкова віра: Коцачтво та релігія в ранньомодерній Україні. С. 412.

⁴ Акты ЮЗР. Т. IV. № 40. С. 58.

какие войсковые росходы, или бурмистры и войты корыстуютца сами», сколько городов в полках «и как те города имянуютца... и какими обычаи они ныне живут (включая судебную систему. – *Т. Т.*), по-прежнему ль, или у них полковники какие дела и извычаи ввели вновь»¹.

Странные вопросы для представителей суверена. Кстати, в 1654 г. этими вопросами (где избирали Б. Хмельницкого гетманом и кто) они почему-то не задавались. Спешили исполнить волю патриарха?

Подводя итог всем этим взаимным непониманиям, различным традициям, идеологиям и целям, иногда – просто противоположным представлениям об одном и том же предмете, следует добавить, что в 1654 г. обе стороны не слишком вдавались в конкретные условия присоединения, а когда вдавались – трактовали их по-разному. Все договоры, которые Войско Запорожское или Гетманщина заключали с Речью Посполитой (Зборовский, Белоцерковский), были очень краткосрочными, длась не более чем полтора года. Так могло ли у украинской стороны быть представление, что переяславская присяга – это всерьез и навсегда? К тому же Б. Хмельницкий и его окружение срочно решали вопрос немедленного военного отпора наступавшим польско-татарским войскам. Все остальные вопросы являлись вторичными.

Напротив, Алексей Михайлович и Никон были озабочены освобождением/присоединением других православных территорий (прежде всего Смоленска и Белой Руси). Вторичность их политики по отношению к Украине подтверждается тем фактом, что царь, находясь в непосредственной близости, даже не посетил Киев (не то что Чигирин!). Да и реальные попытки управлять территорией Украинского гетманства, равно как и собирать налоги, Москва начнет предпринимать только несколькими годами позже, под давлением геополитических реалий.

Словом, в 1654 г., после присоединения Украины к Московскому государству, стороны очень мало знали друг о друге, во многих случаях просто не понимали, о чем идет речь (подчас в прямом смысле этого слова) и к тому же не слишком серьезно относились к данному объединению.

¹ Акты ЮЗР. Т. XV. № 3. С. 158.